

«НЕ ЗНАЛ И НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА»: Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ И Р. Э. ЦИММЕРМАН

М. А. Перепелкин, О. В. Пелевина

Самарский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

В статье рассматривается эволюция взглядов писателя Н. Г. Гарина-Михайловского на вопросы, поднятые им в очерках «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни». Среди этих вопросов вопросы о будущем сельского хозяина и его хозяйства, о взаимоотношениях между разными участниками сельскохозяйственного производства и, в конечном счете, – о правде и о счастье, пути к достижению которых искал писатель – один и с помощью своих современников. Наиболее заметное влияние на Н. Г. Гарина-Михайловского, по мнению авторов статьи, оказал Р. Э. Циммерман, книга которого «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» была издана «на средства Гарина». В статье рассматриваются основные положения этой книги, автор которой приходит к выводу о том, что кулачество – закономерное явление социально-экономического характера, а также делаются выводы о том, как именно корректировалась художественная позиция Н. Г. Гарина-Михайловского под воздействием социально-экономической теории Р. Э. Циммермана.

Ключевые слова: Н. Г. Гарин-Михайловский, Р. Э. Циммерман, «Несколько лет в деревне», «В сутолоке провинциальной жизни», «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение», социально-экономические теории, кулак, автор и герой, неразрешимые вопросы, художественная правда.

Введение

В начале зимы 1887 года, живя в Усть-Катаве, инженер-путеец Н. Г. Михайловский предпринял первый опыт литературной деятельности, которым стали очерки «Несколько лет в деревне», посвященные опыту организации им «рационального» хозяйства в своем Самарском имении в 1883–1886 гг. Хорошо известно, что опыт этот оказался неудачным: встреченный в штыки местным населением и прежде всего – так называемыми «кулаками-мироедами», почувствовавшими в Михайловском того, кто посягает на их авторитет и финансовое благополучие, он несколько раз кряду подвергся безжалостным поджогам хлебных амбаров и других построек, был вынужден передать имение в руки управляющего и вновь поступить на железнодорожную службу, с которой простился в начале 1880-х гг. Однако завершение хозяйственного эксперимента совсем не означало завершение раздумий Михайловского над вопросами, поставленными перед ним провалом этого эксперимента, и всеми сопутствующими этому провалу обстоятельствами, – напротив, оставив имение и приступив к строительству Уфа-Златоустовской железной дороги, он начал особенно напряженно размышлять над ними; результатом этих размышлений стали, в том числе, и названные очерки. Нашел ли инженер Н. Г. Михайловский, несколько лет спустя после написания «Нескольких лет в деревне» превратившийся в писателя «Гарина», ответы на поставленные им вопросы? Он сам ответил на это так: «Эта толпа была один человек... Я стоял перед этим человеком взволнованный, расстроженный, с обидным сознанием, что я не знал и не знаю этого человека...» [1, с. 143].

Очерки Гарина увидели свет в журнале «Русская мысль» в 1892 году, а ответ на свои вопросы он получит еще несколько лет спустя, во второй половине 1890-х годов, когда познакомится с приехавшим в Самару и обосновавшимся в ней Р. Э. Циммерманом, знакомство с которым перерастет в сотрудничество и дружбу, продолжавшиеся до внезапной кончины последнего в апреле 1900 года.

Рейнгольд (Роман) Эмильевич Циммерман (1866–1900) – политический и общественный деятель, публицист, писатель – прибыл в Самару весной 1894 года из Иркутской губернии, где он отбывал пятилетнюю административную ссылку, к которой был приговорен за участие в антиправительственном политическом движении [2, с. 55–56; 3, с. 582–583; 3, с. 34–41]. Живя в Самаре, Циммерман служил в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги, был одним из руководителей марксистского кружка, сотрудничал вначале с «Самарской газетой», а потом – с «Самарским вестником», переводил и публиковал свои переводы из Ницше, занимался вопросами политической экономии и философии. Сотрудничая с «Самарской газетой» или с «Самарским вестником», он, по всей видимости, и познакомился с Н. Г. Гариным-Михайловским, который тесно сотрудничал с этими изданиями, публикуя на их страницах свои рассказы. Изредка в столичных журналах публиковалась также беллетристика Циммермана, на которую он, по словам одного из его знакомых, «...слишком мало обращал внимания» [5, с. 467] и которая была собрана и опубликована отдельной книгой уже после его внезапной кончины в апреле 1900 года.

Современник Циммермана и М. Горького, хорошо знавший их в самарский период их деятельности, А. А. Смирнов (Треплев) дает такую характеристику Циммерману, часто бывавшему, по его словам, в самарских «салонах», где собиралась демократическая интеллигенция 1890-х годов: «Там постоянно бывал возвращенный из ссылки в Сибирь Ром<ан> Эмил<евич> Циммерман, бывший студент Петербургского университета, марксист, научно-образованный, высокий шатен лет 28, с очень правильными чертами румяного лица, освещенного большими серыми, немного близорукими глазами, всегда в золотом пенсне. Эти глаза, пристально глядевшие на собеседника, и большой открытый лоб напоминали критика Д. И. Писарева, как он изображен на всем известном портрете. Речь Циммермана была всегда неизменно спокойна, немногословна и уверенна, и от нее, и от всей личности оратора веяло какой-то скрытой, еще не развернувшейся силой» [6, с. 382]. По словам мемуариста, «...всем, даже людям “иною толку”» Р. Э. Циммерман внушал невольное уважение, а его книга «Кулачество-ростовщичество» наделала большого шума в народническом лагере, до глубины души возмутив народников-идеалистов, что, впрочем, не изменило их высокого мнения о самом её авторе.

Столь же высокого мнения о Циммермане придерживались и другие мемуаристы, писавшие, в частности, об истории «Самарского вестника» и об одном из его ключевых сотрудников – Р. Э. Циммермане, – Н. А. Самойлов [7, с. 90–109] и А. А. Санин [8].

Упомянутая А. А. Смирновым (Треплевым) книга Р. Э. Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» увидела свет в 1898 году или в самом начале 1899 года и была издана на средства Н. Г. Гарина-Михайловского [9]. Книга была встречена сразу несколькими критическими откликами, среди авторов которых были П. Покровский и В. И. Ульянов. Отзыв первого из них пропитан пренебрежением как к самому автору, так и к его идеям, не имеющим «...почти никакой научной ценности» и интересным «...лишь в качестве первой слабой попытки объединить и обобщить журнальный материал по вопросу о кулачестве и ростовщичество» [10, с. 2182]. А вот второй отнесся к книге Циммермана сочувственно, подчеркнув, что она «...подводит итоги данным, собранным в нашей экономической литературе по интересному вопросу о кулачестве-ростовщичество» [11, с. 55], позволив себе несколько не совсем лестных для автора «Кулачества-ростовщичества» замечаний («...собственные суждения г. Гвоздева отличаются нередко чрезмерной огульностью и общностью»). Между прочим заметим, что в личных письмах матери и зятю М. Т. Елизарову критика В. И. Ульянова оказалась гораздо более жесткой

(«не нравится мне этот “самарский” дух», «очень и очень слабо»), но, по его же собственному признанию, в рецензии на «Кулачество-ростовщичество» он «...решил все-таки сдержаться и наполнить рецензию на 4/5 замечаниями против народников и на 1/5 – замечаниями против Гвоздева» [12, с. 204].

Обзор литературы

До сих пор писавшие о Гарине не касались вопроса его взаимоотношений с Циммерманом, не рассматривалось и влияние последнего на эволюцию гаринских взглядов, что, по нашему мнению, является заметным упущением, о чем свидетельствует хотя бы самый факт публикации книги «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» за счет средств Н. Г. Гарина-Михайловского. Принимая во внимание работы наших предшественников – исследователей Гарина: И. М. Юдиной [13], Г. М. Миронова [14], К. Д. Гордович [15], – а также историков русского общественного сознания и, в частности, народничества – А. Walicki [16, 17], M. Raeff [18], N. G. Riasanovsky [19] и других, данным исследованием мы расширяем фактографическую базу изучения гаринского творчества и на основе новых данных стремимся обосновать нашу гипотезу об эволюции его взглядов.

Методы исследования

В данной статье использована комплексная научная методология, которую составили в основном три метода – описательный, аналитический и сопоставительный.

Результаты и дискуссия

Обратимся к самой книге Р. Э. Циммермана и поразмышляем над тем, в чем именно увидел издавший ее Н. Г. Гарин-Михайловский ответ на свои вопросы, поставленные им в очерках «Несколько лет в деревне».

Книга состоит из введения, шести параграфов и заключения. Во введении ее автор прежде всего констатировал то обстоятельство, что «крупная кряжистая фигура» кулака-ростовщика («чумазого») «...заполонила русскую действительность – ни в городе, ни в деревне вы не минуете встречи с ней» [9, с. 1]. Далее Р. Э. Циммерман отметил, что литература не обошла вездесущую фигуру кулака-миродея, само собой разумеется, попавшую в сферу внимания народников, «...возившихся над изучением народа, кичащихся всесторонностью этого самого изучения» [9, с. 2]. А вот дальше автор книги обозначил следующий парадокс: «Фактов собрано много, но их генетическую, преемственную связь никто выяснить не постарался» [9, с. 3]. Причину этого он видит в том, что, отстаивая дорогие их сердцу народные устои, народники не удосужились поискать генетическую связь всех пореформенных напастей с дореформенными условиями существования народных масс.

Этим вопросом Р. Э. Циммерман и занимается в параграфе, открывающем книгу и озаглавленном

«Генезис кулачества-ростовщичества». Свой экскурс в историю явления он начинает с анализа характерных особенностей натурального хозяйства в Западной Европе и в России, далее переходит к разговору о влиянии западно-европейского рынка на русскую действительность XVII столетия и, наконец, выходит к разговору о «...развитии дифференциации отраслей крестьянского производства, совершавшейся в пределах каждого хозяйства», следствием которого стало «...появление на свет Божий посредника как необходимого звена между потребителем и производителем и как необходимого следствия совершившегося процесса обособления крестьянских промыслов» [9, с. 21]. «Мы не станем здесь останавливаться на рассмотрении того, каким образом образовалась эта более самостоятельная группа крестьян, – пишет Р. Э. Циммерман. – Здесь помимо целого ряда условий, благоприятствовавших тому или иному хозяйственному предприятию, несомненно сыграло роль и то умение “спасти себя и присных”, которое так хорошо описано нашим сатириком (Салтыковым-Щедриным. – М. П., О. П.) при изображении им способа накопления денег “хозяйственными мужичками”» [9, с. 23]. Далее происходило постепенное укрепление «простого соседа-заимодавца или торговца-покупателя» и превращение его в «кредитора-ростовщика и скупщика-ростовщика», в котором одинаково нуждались как помещик, так и мелкий производитель, оба одинаково выдвигавшие вперед обладателя так необходимых им денег, нужда в которых год от года только усиливалась. Окончательное же становление «мироода» произошло в эпоху крестьянской реформы, когда одна часть крестьянства стала ещё беднее, зато другая, «...имея под боком постоянно нуждающегося своего же брата-крестьянина, лишь выиграла от освобождения» [9, с. 31].

В параграфах, следующих за этим, «генетическим», автор книги остановился на таких вопросах, как кулачество-ростовщичество в хлебном производстве, кулачество и переселения, кулачество и кустарная промышленность, кулачество и отхожие промыслы, ростовщический кредит и подать. Отметим знакомство Р. Э. Циммермана с экономической, исторической и художественной литературой, как российской, так и западно-европейской, позволяющее ему полемизировать с разными авторами, касавшимися в своих исследованиях рассматриваемых им вопросов, а также опираться на их выводы и выстраивать убедительную систему аргументов. В результате, рассмотрев разные отрасли «народной промышленности», автор «Кулачества-ростовщичества» показал, что в каждой из них существовало достаточно причин, которые заставляли обедневшие народные массы обращаться за помощью к «...более состоятельной части той же крестьянской массы» [9, с. 144].

Завершая свое исследование, Р. Э. Циммерман вновь обратился к опыту изучавших вопрос сущности кулачества-ростовщичества писателей-народ-

ников и, в частности, Н. Н. Златовратского, который в одном месте верно подметил невозможность провести чёткую грань между кулаком и хорошим хозяином, а зато в другом счёл появление кулака-мироода случайным недоразумением и «грехом». Отсюда, по мнению автора книги, вытекает и одно из главных заблуждений Златовратского, давшего неудачное объяснение стихийному появлению «чумазого». При этом случай Златовратского, по мнению Циммермана, исключительный, так как доктрина в нём борется с «...талантливостью и вдумчивостью добросовестного наблюдателя народной жизни», и именно вдумчивость и добросовестность «...мешали ему... приписывать появление кулачества-ростовщичества тлетворному влиянию “умственной и нравственной атмосферы Запада”, они невольно заставляли его обращать внимание на целый ряд явлений, которые слишком били в глаза и мимо которых он пройти не мог» [9, с. 153]. С этим заблуждением связана, как считал Р. Э. Циммерман, и еще одна ошибка и Златовратского, и некоторых других «менее талантливых народников», которые определили кулака-мироода как разрушителя старых феодально-крепостнических отношений, не поняв, однако, того значения, которое принадлежало ему в деле «...создания новых общественных отношений» [9, с. 153–154].

Что касается самого Р. Э. Циммермана, то основную задачу своей книги он видел именно в том, чтобы показать, «...что “мироод не чужд природе”... именно “в смысле сельскохозяйственном”, в смысле реального представителя не какого-то стихийного, а вполне понятного, на наших глазах совершающегося, в историческом смысле вполне логического переворота» [9, с. 157]. Из этой же «нечуждости» мироода природе вытекает и тот главный вывод, который сделал Циммерман, подчеркнувший, что, признавая кулачество-ростовщичество мрачной, но законной переходной ступенью в эволюции России, «...мы тем самым сразу освобождаемся из-под его фатальности, ибо мы знаем, где начался этот процесс, также знаем, где он и кончится, мы знаем, что он превращается в свою противоположность, что он же является одним из наиболее энергичных факторов в создании таких условий, при которых дальнейшее существование его является невозможностью» [9, с. 161].

Как уже было сказано, книга Р. Э. Циммермана увидела свет в 1898 или в самом начале 1899 года и была издана «на средства Н. Гарина», а уже в 1900 году в журнале «Мир божий» были опубликованы очерки Н. Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни», явившиеся в некотором смысле продолжением «Нескольких лет в деревне». По словам И. М. Юдиной, над этими очерками писатель работал «...в течение длительного времени, начиная с середины 90-х годов» [20, с. 701], то есть как раз в те годы, на которые пришлось и его знакомство с Р. Э. Циммерманом и его идеями. По всей

видимости, это знакомство во многом скорректировало отношение Гарина к тем вопросам, которые впервые были подняты им в «Нескольких днях в деревне» и заново осмыслены теперь в очерках «В сутолоке провинциальной жизни». Для того чтобы понять, в чем именно состояла эта эволюция гаринских взглядов, обратимся к нескольким эпизодам сначала одного, а потом другого произведения.

Очерки «Нескольких лет в деревне» завершаются сразу несколькими весьма драматическими эпизодами – пожарами в имении главного героя, расследованием и задержанием поджигателя, объяснением героя с пришедшими требовать освобождения последнего, судом над поджигателем и новой встречей героя с князевцами, произошедшей спустя два года после его расставания с имением. Этих эпизодов много и все они разные, но при этом есть и то, что их сближает: все они объединены недоумением героя, которое не только не рассеивается, но, напротив, становится от одного эпизода к другому все более и более глубоким.

Вот, например, диалог героя со стариком-садовником, произошедший почти сразу после задержания виновного в поджогах Чичкова. В ответ на свой вопрос, обращенный к садовнику, думал ли он дожить «до таких делов», тот начинает рассуждать о грехах и о благодати, из чего герой делает неожиданный для себя вывод: «Я же, значит, и виноват выхожу в этом деле?».

«– А кто же? – спросил спокойно Павел. – С них много ли спросится? Трава они как есть – и больше ничего, а тебе книги раскрыты... Зачем взбулгачил народ? Дьявола дразнить?» [20, с. 136–137].

А вот другой эпизод: «гомонящий» народ идет освобождать арестованного Чичкова: «Я стоял, точно очарованный. Мысль, что они могут явиться, ни разу не приходила серьезно мне в голову. Зачем они идут? Требовать освобождения Чичкова? А если я откажусь? Они покончат с нами... С нами? С людьми, которые только и думали, только и жили надеждой дать им то счастье, о котором они и мечтать не смели? Для чего покончить? Чтоб опять подпасть под власть какого-нибудь негодяя вроде Николая Белякова?» [20, с. 137].

И, наконец, своего апогея недоумение героя достигает, как уже было отмечено, в заключительном эпизоде очерков – эпизоде новой встречи героя с князевцами спустя два года после их расставания, когда, завидев его экипаж, вся деревня потянулась на барский двор, и каждый, как только умел, спешил высказать приехавшему свой привет: «Эта толпа была один человек... Я стоял перед этим человеком взволнованный, растроганный, с обидным сознанием, что я не знал и не знаю этого человека...» [1, с. 143].

Каковы причины этого недоумения, понимают ли их сам герой и автор очерков? Как нам кажется, этих причин как минимум две, и обе представляются им не очень ясными.

Первая из этих причин заключается в том, что герой и его окружение, состоящее преимущественно из крестьян, находятся в разных интеллектуальных и духовных парадигмах, которые имеют очень мало точек пересечения. Крестьяне – «...трава... и больше ничего», они темны и не разбираются во многих вопросах, но при этом они хорошо знают, что «...благодатию божию... сыт будешь», чувствуют это, будучи не способными объяснить словами многие вещи. Герой же, напротив, хорошо говорит и прекрасно думает, во многом разбирается и многое может понять, но понять таких простых вещей, о которых говорят ему садовник Павел и Петр Беляков, он понять не в состоянии, и именно они-то представляются ему загадкой без разгадки.

Но есть и вторая причина недоумения героя и автора, более прозаическая. Рассуждая о том, что «взбулгаченные» князевские мужики могут покончить с ним и с его близкими, герой не может взять в толк, как это возможно: «Они покончат с нами... С нами? С людьми, которые только и думали, только и жили надеждой дать им то счастье, о котором они и мечтать не смели? Для чего покончить? Чтоб опять подпасть под власть какого-нибудь негодяя вроде Николая Белякова?». Как видно из этого рассуждения, «какой-нибудь негодяй вроде Николая Белякова» представляется ему случайным и ошибочным, тогда как его собственная забота о крестьянах и об их счастье – закономерной и оправданной самим историческим процессом. Отсюда, собственно, и вытекает недоумение героя, а в какой-то степени – и автора тоже: если забота о крестьянском счастье – закономерное и обусловленное самим порядком вещей дело, а «негодяи вроде Николая Белякова» незаконны и случайны, то почему в таком случае очевидно тянущийся к закону народ стремится «опять подпасть под власть» последних и пренебрегает первыми?

Вне всяких сомнений, две названные причины взаимосвязаны и вытекают одна из другой, и, будучи не в силах найти ответ на один из обозначенных вопросов, герой и автор также сомневаются в разрешимости второго, но при этом можно рассматривать эти две причины и по отдельности. И вот здесь-то, по нашему мнению, и состоялось то открытие, которое сделал Н. Г. Гарин-Михайловский, опираясь на работу Р. Э. Циммермана о кулачестве-ростовщичестве и его общественно-экономическом значении.

Как уже было отмечено, Р. Э. Циммерман сумел понять и обосновать, что мироед не чужд природе именно в смысле сельскохозяйственном, «...в смысле реального представителя не какого-то стихийного, а вполне понятного, на наших глазах совершающегося, в историческом смысле вполне логического переворота» [1, с. 157]. Что из этого вытекает? А вытекает в общем-то простая вещь: «негодяи вроде Николая Белякова» совсем не случайны

и вполне закономерны, а значит, их существование не противоречит природе вещей, а вполне сообразно с нею. Следовательно, нет ничего странного и в том, как реагируют крестьяне на такого рода негодяев, совсем не отвергая их, а принимая и считаясь с их силой и авторитетом. Какой вывод делает Н. Г. Гарин-Михайловский из этого открытия? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к другому названному сочинению писателя – очеркам «В сутолке провинциальной жизни».

В самом начале этих очерков Гарин подчеркивает преемственность первого и второго сочинений («Мои записки о деревне, напечатанные под заглавием “Несколько лет в деревне”, относятся к периоду до 1886 года» [20, с. 286]), еще раз возвращаясь во втором из них ко времени оставления им Князевки. Таким образом, время, разделяющее финальные эпизоды «Нескольких лет в деревне» и начало очерков «В сутолке провинциальной жизни», не просто минимальное, а фактически нулевое: в финале одного произведения и в первых сценах другого действует один и тот же герой, которого окружают те же самые крестьяне, но вот поведение и реакции этого героя и этих крестьян предельно разные.

Вот, например, эпизод «объяснения» героя с крестьянами после «ошибки» суда, вынесшего оправдательный приговор поджигателям:

«– Если вы желаете, господа, – сказал я, – иметь со мной дело и вперед, я ставлю условие: эти пять семейств должны покинуть Князевку. Мне отвечали, что общество здесь бессильно что-нибудь сделать. Я в свою очередь сказал:

– Вашу силу я знаю: если вы захотите, то сможете. Как хотите, но вот мои условия: пока эти люди не уйдут добровольно, я вам не дам ни земли, ни выгона, ни леса, ни воды» [20, с. 288–289].

А это другой эпизод, эпизод новой встречи героя с депутатами из числа князевских крестьян:

«Однажды утром меня разбудили:

– Князевские крестьяне приехали.

Я быстро оделся и вышел к ним. Двое: Родион Керов и Пиманов (один из прощенных участников) при моем появлении упали на колени и равнодушно крикнули:

– Не губи!

Я сухо остановил:

– Господа, вставайте – это не поможет...» [20, с. 322].

И, наконец, третий эпизод – это эпизод еще одной встречи героя с крестьянами, на этот раз – уже в Князевке:

«Я стоял, смотрел кругом... как будто все то же, те же лица... они кланяются заискивающе, подобострастно, как-то смешно и, не довольствуясь еще, усердно кивают мне головами. Опять заговорил Петр Иванович:

– Э... они желали бы поднести вам по случаю приезда хлеб-соль... Э... впрочем, лучше сперва отслужить молебен... Впрочем, как прикажете...» [20, с. 342].

Как видим, меняется герой – меняются и крестьяне: первый становится жестче и решительней, вторые – податливее и уступчивее. С чем связаны эти перемены и что произошло такого, что сделало другими и первого, и вторых?

Как нам представляется, произошло именно то, про что было сказано выше: познакомившись с исследованием и выводами Циммермана, Н. Г. Гарин-Михайловский (не герой середины 1880-х гг., а автор 1890-х) понял, что кулачество-ростовщичество совсем не было нарушением природного правила, вытекающая из него и будучи им порожденным и обусловленным. А значит, и реагировать на него нужно как на закономерное явление – без недоумений и обид, не ожидая, что богобоязненные и законопослушные крестьяне отторгнут это явление, якобы нарушающее закон и ему противоречащее. Поскольку это совсем не так, и «негодяи вроде Николая Белякова» закономерны, следует не недоумевать, а искоренять, и искоренять, взывая не к совести (она у богобоязненных крестьян в данном случае спокойна), а к чувству самосохранения и экономической целесообразности. То есть, постигая механизмы социального и экономического планов (появление кулачества и его место в социально-экономической структуре современного общества), автор приближается к разрешению тех недоумений и противоречий, которые не давали ему покоя ранее, а поняв сам, делегирует это понимание и своему герою, который вдруг, на глазах у читателя, начинает совершенно иначе себя вести и добивается осуществления поставленных им перед собой целей.

Выводы

Итак, рассмотрев один эпизод из писательской жизни Н. Г. Гарина-Михайловского, мы убедились, что его знакомство с социально-экономической теорией другого писателя и мыслителя – Р. Э. Циммермана – сумело решительным образом изменить его взгляды и помочь найти ответы на казавшиеся неразрешимыми вопросы о будущем сельского хозяина и его хозяйства, о наилучшей конфигурации взаимоотношений между разными участниками сельскохозяйственного производства и, в конечном счете, о правде и о счастье, пути к достижению которых остались не найденными помещиком Михайловским, но которые продолжал искать писатель Гарин, как один, так и с помощью своих современников.

Литература

1. Гарин-Михайловский, Н. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3 / Н. Гарин-Михайловский. – М., 1957. – 656 с.
2. Янкина, Л. И. М. Горький в Самаре / Л. И. Янкина. – Куйбышев, 1973. – 112 с.
3. Перепелкин, М. А. Циммерман Рейнгольд Эрнст / М. А. Перепелкин, Л. А. Соловьева // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. – М. : СПб., 2019. – С. 582–583.
4. Перепелкин, М. А. «Политически небла-

гонадежный» писатель Циммерман: попытка биографии / М. А. Перепелкин, О. В. Пелевина // Самарский архивист. Научный альманах. – Вып. 2. – Самара, 2021. – С. 34–41.

5. <Чириков, Е. Н.>. Роман Эмильевич Циммерман (Некролог) / <Е. Н. Чириков> // Жизнь. – 1900. – № 4. – С. 467–468.

6. Смирнов (Треплев), А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. (Самарский литературный архив. Вып. 1) / А. Смирнов (Треплев); сост., подг. к публ., комм. М. А. Перепелкина. – Самара, 2006. – 511 с.

7. Самойлов, Н. Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) / Н. Самойлов // Пролетарская революция. – 1927. – № 4. – С. 90–109.

8. Санин, А. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.) / А. Санин. – М., 1933. – 74 с.

9. Гвоздев, Р. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение / Р. Гвоздев. – СПб.: Издание Гарина, 1899 (на титульном листе – 1898 год). – 162 с.

10. Покровский, П. <Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Издание Гарина, 1899. Ц. 75 к.> / П. Покровский // Научное обозрение. – 1899. – № 11. – С. 2180–2182.

11. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений :

в 55 т. Т. 4 / В. И. Ленин. – М., 1967. – 565 с.

12. В. И. Ленин и Самара : сборник документов и материалов. – Куйбышев, 1966. – 564 с.

13. Юдина, И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность / И. М. Юдина. – Л., 1969. – 238 с.

14. Миронов, Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь. Творчество. Общественная деятельность / Г. М. Миронов. – М., 1965. – 160 с.

15. Гордович, К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество / К. Д. Гордович. – СПб., 2014. – 312 с.

16. Walicki, A. A history of Russian thought from the enlightenment to Marxism / A. Walicki. – Stanford, 1979. – 456 p.

17. Walicki, A. The controversy over capitalism: studies in the social philosophy of Russian populists / A. Walicki. – Clarendon, 1969. – 197 p.

18. Raeff, M. Russian intellectual history / M. Raeff. – Humanity Books, 1978. – 414 s.

19. Riasanovsky, N. G. A history of Russia / N. G. Riasanovsky. – Oxford, 2000. – 726 s.

20. Гарин-Михайловский, Н. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 / Н. Гарин-Михайловский. – М., 1958. – 724 с.

Перепелкин Михаил Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет имени академика С. П. Королева (Самара), e-mail: mperpelkin@mail.ru. ORCID 0000-0002-6102-6947

Пелевина Оксана Владимировна – аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет имени академика С. П. Королева (Самара), e-mail: ohanapele@gmail.com

Поступила в редакцию 12 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230309

«I DID NOT KNOW AND DO NOT KNOW THIS PERSON»:

N. G. GARIN-MIKHAILOVSKY AND R. E. ZIMMERMAN

M. A. Perepelkin, O. V. Pelevina

Samara University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation

The article discusses the evolution of the views of the writer N. G. Garin-Mikhailovsky on the issues raised in his essays «Several Years in the Countryside» and «In the Bustle of Provincial Life». Among these are questions about the future of agricultural owners and their property; about the relationship between different participants of agricultural production; and, ultimately, about truth and happiness, the way to which the writer was looking for, both on his own and with the help of his contemporaries. The most noticeable influence on N. G. Garin-Mikhailovsky, according to the authors of the article, was exerted by R. E. Zimmerman, whose book *Kulak-usury, Its Socio-Economic Significance* was published «at the expense of Garin». The article discusses the main provisions of this book, and also draws conclusions about how exactly the artistic position of N. G. Garin-Mikhailovsky was corrected under the influence of the socio-economic theory of R. E. Zimmerman.

Keywords: N. G. Garin-Mikhailovsky, R. E. Zimmerman, «Several years in the countryside», «In the hustle and bustle of provincial life», «Kulak-usury, its social and economic significance», socio-economic theories, kulaks, author and hero, insoluble questions, artistic truth.

References

1. Garin-Mikhailovskiy N. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 5 t. T. 3.. M., 1957. 656 s.
2. Yankina L.I. M. Gor'kiy v Samare [M. Gorky in Samara]. Kuybyshev, 1973. 112 s.
3. Perepelkin M.A., Solov'yeva L.A. Tsimmerman Reyngol'd Ernst [Zimmerman Reinhold Ernst] // *Russkiye pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar'*. M.; SPb., 2019. S. 582–583.
4. Perepelkin M.A., Pelevina O.V. «Politicheski neblagonadezhnyy» pisatel' Tsimmerman: popytka biografii [«Politically Unreliable» Writer Zimmerman: an Attempt at a Biography] // *Samarskiy arkhivist. Nauchnyy al'manakh. Vyp. 2. Samara, 2021. S. 34–41.*
5. Chirikov E.N. Roman Emil'yevich Tsimmerman (Nekrolog) [Roman Emilevich Zimmerman (Obituary)] // *Zhizn'*. 1900. № 4. S. 467–468.
6. Smirnov (Trepnev) A. Teatr dush: Stikhi. Kriticheskiye etyudy. Vospominaniya. Pis'ma. (Samarskiy literaturnyy arkhiv. Vyp. 1) [Theater of Souls: Poems. Critical Studies. Memories. Letters. (Samara Literary Archive. Iss. 1)]; sost., podg. k publ., komm. M.A. Perepelkina. Samara, 2006. 511 s.
7. Samoylov N. Pervaya legal'naya marksistskaya gazeta v Rossii («Samarskiy vestnik», 1896–1897 gg.) [The First Legal Marxist Newspaper in Russia (Samara Bulletin, 1896–1897)] // *Proletarskaya revolyutsiya. 1927. № 4. S. 90–109.*
8. Sanin A. «Samarskiy vestnik» v rukakh marksistov (1896–1897 gg.) [The Samara Bulletin in the Hands of Marxists (1896–1897)]. M., 1933. 74 s.
9. Gvozdev R. Kulachestvo-rostovshchichestvo, ego obshchestvenno-ekonomicheskoye znachenie [Kulak-Usury, its Socio-Economic Significance]. SPb.: Izdaniye Garina, 1899 (na titul'nom liste – 1898 god). 162 s.
10. Pokrovskiy P. Gvozdev R. Kulachestvo-rostovshchichestvo. Izdaniye Garina, 1899. Ts. 75 k. [Gvozdev R. Kulak-Usury. Edition of Garin, 1899. Ts. 75 K.] // *Nauchnoye obozreniye. 1899. № 11. S. 2180–2182.*
11. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Works]: v 55 t. T. 4. M., 1967. 565 s.
12. V.I. Lenin i Samara [V.I. Lenin and Samara]: sbornik dokumentov i materialov. Kuybyshev, 1966. 564 s.
13. Yudina I.M. N.G. Garin-Mikhailovskiy: Zhizn' i literaturno-obshchestvennaya deyatel'nost' [N.G. Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and Social Activity]. L., 1969. 238 s.
14. Mironov G.M. Poet neterpelivogo sozidaniya. N.G. Garin-Mikhailovskiy. Zhizn'. Tvorchestvo. Obshchestvennaya deyatel'nost' [Poet of Impatient Creation. N.G. Garin-Mikhailovsky. Life. Creation. Public Activities]. M., 1965. 160 s.
15. Gordovich K.D. N.G. Garin-Mikhailovskiy: lichnost' i tvorchestvo [N.G. Garin-Mikhailovsky: Personality and Creativity]. SPb., 2014. 312 s.
16. Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979. 456 p.
17. Walicki A. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of Russian Populists. Clarendon, 1969. 197 p.
18. Raeff M. Russian Intellectual History. Humanity Books, 1978. 414 p.
19. Riasanovsky N.G. A History of Russia. Oxford. 2000. 726 p.
20. Garin-Mikhailovskiy N. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 5 t. T. 4. M., 1958. 724 s.

Mikhail A. Perepelkin – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University named after Academician S. P. Korolev (Samara), e-mail: mperepelkin@mail.ru

Oksana V. Pelevina – Post-Graduate Student, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University named after Academician S. P. Korolev (Samara), e-mail: oxanapele@gmail.com

Received April 12, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Перепелкин, М. А. «Не знал и не знаю этого человека»: Н. Г. Гарин-Михайловский и Р. Э. Циммерман / М. А. Перепелкин, О. В. Пелевина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 77–83. DOI: 10.14529/ssh230309

FOR CITATION

Perepelkin M. A., Pelevina O. V. «I didn't Know and don't Know this Person»: N. G. Garin-Mikhailovsky and R. E. Zimmerman. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 77–83. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230309